

Дмитрий Шестаков

ТРАНСМИТТЕР

Дмитрий Шестаков

Трансмиттер

«Издательские решения»

Шестаков Д.

Трансмиттер / Д. Шестаков — «Издательские решения»,

В небольшом сереньком городке, разгребая обычные бытовые проблемы, проживает свою жизнь простой человек. У него есть возможность вырваться из рутины, но для этого надо стать потребителем. А это для него хуже, чем продать душу. У него совсем другой взгляд на жизнь.

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Трансмиттер

Дмитрий Шестаков

© Дмитрий Шестаков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Свет. Яркий до белизны. И сразу холодная темнота. Золотая река, текущая снизу вверх, согревающая, дарующая жизнь. Где-то тут, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки кто-то родной, и в то же время чужой, мрачный, кроваво-черный. Нет ни звуков, ни запахов. Холод и секущая тело снежная крупа. Морок не дает рассмотреть, тяжелые веки закрываются против воли, все плывет и смешивается. Постепенно проступают бревенчатые стены, венцы в обхват, рубленые в чашу углы, серые тесовые крыши построек, дорога с грязным снегом, сани со шкурами, разгоряченные, парящие на морозе кони, кожаная упряжь. Молчаливые деревянные истуканы за спиной, сурово смотрящие слепыми взорами. И люди. Серые и убогие, в тряпье, в рванье. Будто под тяжелой ношей гнущие слабые спины. Бесконечная вереница страждущих, просящих, молящих. Женщина с тоской в глазах, с болью в сердце, падает на колени, цепляется худой костлявой рукой за полы полушубка, что-то просит, но ничего разобрать нельзя. У нее откуда-то из-за пазухи, из многочисленных платков и обмоток вываливается младенец с пустыми глазницами...

Афанасий вздрогнул, проснувшись. Сны... Непонятные, мутные, необъяснимые. Такие сны снились ему часто. Он где-то читал, что сновидения, это замысловатая, причудливая интерпретация и комбинация того, что человек раньше переживал в жизни. И что мозг не способен во сне создавать новые, ранее не виденные образы. Но каждый раз после таких ярких, реалистичных снов Афанасий лежал и пытался вспомнить, где и когда в своей жизни он мог видеть подобные сцены, и главное, что бы все это значило. На ум ничего не приходило.

Он повернул голову. Рядом на кровати, раскинув руки и ноги в стороны и заняв, таким образом, три четверти постели, на спине, открыв рот, спала жена. Она громко и часто сопела, сопение ее временами переходило в храп, затем в бульканье и причмокивание. Афанасий, едва удерживаясь на краешке кровати, приподнялся на локте и посмотрел на часы. Светящиеся в темноте зеленые цифры электронного табло показывали 6:02. Он встал с кровати как можно аккуратнее, стараясь не производить лишнего шума, собрал свои вещи с пола у кровати и вышел в коридор, где чувствовал себя уже более свободно. Прикрыл дверь в маленькую комнату, в которой спала дочь, и стал одеваться.

Холодный бодрящий воздух с терпким запахом прелой листвы встретил его за дверями подъезда. Позднее осеннее утро не спешило рассветать. В свете одинокого фонаря бесстыже-голые ветки деревьев плели замысловатую паутину. Старые качели, в течение дня нещадно скрипевшие, сейчас безмолвствовали. Тишину нарушал лишь шорох листьев под ногами и ровное, в такт движениям, дыхание. Афанасий пробежал мимо детской площадки, мимо одинокого брошенного «жигуленка», заваленного опавшими листьями и заляпанного птичьим пометом, мимо ограды детского садика и, повернув в арку, выбежал на улицу. Пробежав два квартала, он попал на школьный двор.

Давно, в беззаботном детстве, он учился в этой школе. С тех пор здесь ничего не поменялось. Все те же нестандартные футбольные ворота без сетки на заасфальтированном поле. Тут они гоняли мяч и не один десяток коленок были содраны до крови в мальчишеских играх. Все те же брусья, узкие даже для подростков, тот же кривой рукоход и набор выстроенных в ряд перекладин. На них он вместе со сверстниками сдавал последний школьный зачет в 10-м классе. Время застыло на этой площадке. Вероятно, за прошедшие десятилетия металлические конструкции красились. Но краска эта все равно успела растрескаться, пооблупиться и облезть.

На спортплощадке уже занимался пенсионер Валерьяныч. Они встречались здесь по утрам уже в течение нескольких лет. Еще в начале знакомства Валерьяныч сообщил, что в юности был мастером спорта по лыжным гонкам. Сейчас, смотря на его выдающийся во всех смыслах живот, в это верилось с трудом. Пенсионера больше прохаживался между снарядами,

чем занимался, однако все равно выходил по утрам на улицу с завидной регулярностью, не делая скидку на погодные условия.

– Приветствую! – поздоровался он с Афанасием на правах старого знакомого. – Как там дома, все нормально?

– Нормально. – улыбаясь, ответил Афанасий.

– А я вот вешалку уронил, когда одевался, так моя старуха расшумелась. Наверное, всех соседей заодно подняла. – хрипло подхихикивая, поделился своей историей Валерьяныч.

– Знаешь, – продолжил он после паузы. – Я вот жизнь прожил, а так ничего и не понял в семейной жизни. Прожил с женой без малого пятьдесят лет, а все как кошка с собакой. Ты вот, Афанасий, что по этому поводу думаешь?

– Сложно мне давать советы. – уклончиво начал он. – Я сам в такой же ситуации, а решения так и не нашел. Считается, что каждый, и муж, и жена, должны меняться, подстраиваться друг под друга, идти на уступки и компромиссы. Только все это теория. На практике же я столько лет менялся, подстраивался, а в результате меня подмяли.

– Знакомая история. А супружница не захотела меняться и идти на уступки?

– Не то слово «не захотела». Она просто не знает и не хочет знать, что можно это сделать. Я уж сам как не пытался воздействовать, но каждый раз натыкался на глухую стену. Каменную стену, через которую не пробиться.

Валерьяныч стоял у брусев и, держась за них, делал невысокие махи ногами.

– Самое интересное, что с этой подводной лодки уже никуда не деться. – прокомментировал он.

Занятый упражнениями, Афанасий ничего не ответил. Выполнив нехитрый комплекс, Афанасий побежал обратно. Во дворе у подъезда в инвалидной коляске сидел соседский семилетний паренек, мать его лузгала семечки тут же около него, на лавочке.

– Здравствуйте, Катерина Ивановна. – поприветствовал ее Афанасий.

– Здравствуйте, Афанасий Петрович. – улыбнулась ему в ответ женщина.

– Ну, как Лешка? – спросил он, кивнув на паренька.

– Да ничего, вашими молитвами только и живем, Афанасий Петрович. Давеча третьего дня Вы к нам заходили, так после Вас Алешенька совсем дугой, словно тень с лица его сошла, лучше, конечно лучше, и двигаться лучше стал, и даже ложку сам два раза ко рту поднес. – Говоря это, женщина так расчувствовалась, что с радостного лица ее потекли слезы, она смущенно отвернулась и высморкалась в платок.

– Вы к нам еще как-нибудь зайдете, Афанасий Петрович? – продолжала она, с надеждой и мольбой заглядывая ему в лицо.

– Да, конечно, Катерина Ивановна, зайду на днях. Вы меня извините сейчас, мне на работу надо идти собираться.

– Да-да, конечно, конечно, ступайте, Афанасий Петрович, ступайте.

– Если вы уже погуляли, я помогу вам зайти.

– Спасибо, спасибо, Афанасий Петрович, спасибо, – засуетилась Катерина Ивановна около сына. Они взяли с двух сторон коляску и мелкими шагами стали заносить в узкую дверь подъезда.

– Уж сколько раз в ЖЭК обращалась, чтоб какие-никакие сходни нам тут сделали, а так-то неловко совсем, и людей просить приходится. – успевала тараторить Катерина Ивановна, поднимаясь по лестнице, при этом часто дыша. – А бабка моя совсем плоха стала, себя еле носит, не помощница мне совсем. Сама-то я наловчилась вниз спускаться, а наверх не сподручно мне. Утром только и гуляем, пока народу нет, а то ребятишки бегают, тычут пальцами, смеются, чтоб им пусто было, и куда родители ихние смотрят.

Занеся коляску в квартиру, Афанасий собрался уходить, но Катерина придержала его, сунула в руку кулек.

– Вот, батюшка наш, не забывайте нас, на Вас только и надежда, об Вас только и молимся мы... – запричитала женщина, и на только что спокойном и слегка уставшем лице ее вновь появились обильные слезы.

Афанасий был частым свидетелем таких внезапных смен настроения, но никак не мог привыкнуть к этому. Он лишь смущенно закивал и, теребя в руках полученный кулек, вышел из квартиры. Закрыв за ним дверь, Катерина шепотом обратилась к матери, вышедшей в коридор из своей комнаты:

– Вот ведь какой хороший человек, добрый да тихий, и что ж не свезло ему так с семьей. Ругаются почитай каждый день, и бьет она его, люди говорят, да я и сама слышала, иной раз ажник люстра трясется, как они там, наверху шумят. А дочка его, вот ведь выросла, вся в мать, бывалоча раньше бегают маленькая, косички веревочками болтаются, щебечет как воробушек, а сейчас и матерится, и плюется, стоят кружком у подъезда вечером, и парни и девки, все вместе, пиво да семечки, захаркано все вокруг и ржут как лошади, на пятом этаже слышать...

Еще долго Катерина Ивановна говорила и говорила, а маленькая, простоволосая, высохшая старушка, кутаясь в шаль, лишь молча кивала ей, что-то жуя при этом своим беззубым ртом.

Зайдя домой, Афанасий на цыпочках прокрался на кухню и притворил за собой дверь с треснувшим рифленным стеклом. В пакете, переданном соседкой, оказались банка сгущенного молока и небольшой шматок соленого сала. Переложив все это в холодильник, он достал оттуда яичку яиц и принялся готовить себе завтрак.

Старый желтый ЛиАЗ, побрякивая трансмиссией, как будто где-то в недрах его кто-то позабыл авоську с бутылками молока, размашисто раскачивая корпусом на дорожных волнах, вез рабочих машиностроительного завода по кривым извилистым улочкам в промзону, занимавшую добрую половину города. Небо в это осеннее утро так и не просветлело. Из черно-фиолетового оно плавно превратилось в уныло-серое. Низкие плотные облака висели практически неподвижно, сплошным ватным одеялом закрывая все небо, цепляясь за многочисленные заводские трубы, сглаживая границу между небом и землей. Начиная капать дождик, мелкие капли на стекле автобуса, сначала редкие и одинокие, постепенно накапливались, объединялись в более крупные и, гонимые набегающим ветром и силой тяжести, скатывались ручейками куда-то вниз. Молчаливые пассажиры покачивались в такт движениям автобуса. Кто-то сонно смотрел в окно и, занятый своими мыслями, не видел проплывающих мимо серых, с намоченными стенами, зданий, проходных, лабиринтов трубопроводов со свисающей ключьями теплоизоляцией, железных будок остановок и корявых придорожных деревьев. Кто-то откровенно спал или просто сидел с закрытыми глазами, не желая смотреть на скучную массу людей, не желая встречаться ни с кем взглядами. Некоторые копались в своих телефонах, ища спасения от тоскливой действительности в чужих мыслях, претендующих на оригинальность выражениях, неизвестно кем придуманных афоризмах, в чужих фотографиях, рисунках, мотиваторах и демотиваторах, перебрасываясь ничего не значащими сообщениями с ничего не значащими, невидимыми и давно забытыми собеседниками.

Автобус остановился в одном ряду с другими такими же ЛиАЗами, двери-гармошки раскрылись, и человеческая масса хлынула на улицу. По одиночке и группами люди сливались в потоки таких же идущих из соседних автобусов, потоки эти объединялись в одну большую реку, заполняющую собой всю широкую площадь перед центральной проходной.

В раздевалке было светло и многолюдно, мужики весело, с шутками, здоровались друг с другом, переодевались в рабочую одежду. Закрыв свой шкафчик, Афанасий зашел в душевую, где под лавкой у него отстаивалась вода в большой бутылки. Наполнив небольшую лейку, он вернулся в раздевалку и стал поливать многочисленные цветы, расставленные в разнокалиберных горшочках на низком подоконнике.

– Петрович, здорово! – небольшого роста, круглый мужичек, улыбаясь, протянул ему широкую пухлую руку.

– Привет, Семеныч. Как дела? – поприветствовал его Афанасий.

– Ничего, помаленьку. – ответил Семеныч, роясь у себя в пакете. – Слушай, супруга тут хотела выбросить, да я не дал, решил тебе отнести. – он извлек из пакета горшок с растущими из него длинными узкими листьями.

– Сансевиерия. – сказал Афанасий. – Хорошо очищает воздух, работает как желчегонное и слабительное. Может, себе оставите, не жалко?

– Не не не! – замахал руками Семеныч. – Он у нас дома совсем зачах, а ты умеешь за ними ухаживать, глядишь, выходишь. И потом тебе он нужнее, а нам все равно без надобности.

– Вы его совсем залили, корни могут загнить. – ответил Афанасий, проверяя почву пальцами и осматривая листья.

– Слушай, Афанасий, все забываю тебе сказать, – обратился к нему Толик, сварщик 6-го разряда, стоявший неподалеку и слышавший разговор. – у тестя в доме цветок какой-то, не знаю как называется, как пальма, пол комнаты занимает, разросся, зараза. Может, пристроишь куда?

– Конечно! – Афанасий что-то прикинул в уме. – В 12-м корпусе на втором этаже в холле есть место, на обеде переговорю.

– Ну вот и отлично! – Толик по дружески хлопнул Афанасия по плечу.

До начала смены оставалось еще 15 минут. Кто-то ушел в курилку, небольшая группа столпилась у стола, где озорно щелкали костяшками домино. Достав из большого общего шкафа несколько пакетов с землей и дренажом, Афанасий ушел в душевую, где на полу около сливной решетки начал процедуру реанимации пациента.

Большой, с высокими потолками цех гудел, как пчелиный улей. Люди сновали по проходам туда и сюда, электрокары и погрузчики развозили грузы по рабочим местам, несколько кран-балок сновали в разные стороны под бетонными сводами, раскачивая при этом массивными крючьями на длинных стальных тросах. Извлекая по очереди из деревянных ящиков, выстроенных в ровные ряды, нужные детали, Афанасий собирал коробки передач. Ему нравилась его работа. Нравилось доставать новенькие, покрытые тонким слоем смазки блестящие детали, еще несколько дней назад бывшие простыми болванками, превращенные точнейшими металлообрабатывающими станками соседнего цеха в произведения инженерной мысли. Нравилось создавать из более сорока крупных и мелких компонентов надежный, безотказный агрегат, который, быть может, даже после смерти Афанасия еще долго будет служить людям. В далеком детстве отец часто покупал ему конструкторы с металлическими планками и пластинами, гайками и болтами, резиновыми колесами и толстыми белыми нитками, имитирующими канаты. Часами он сидел на полу в комнате около отца, монтируя из имеющихся деталей не предусмотренные производителем конструкции, в то время как отец возился с ламповыми телевизорами, которые свозили на ремонт все его друзья и знакомые. В памяти отчетливо запомнился сизый дымок, поднимающийся густой струйкой к потолку от расплавленной канифоли.

В час дня цех замер, остановились кран-балки, перестали выть станки, прекратились удары молота. Рабочие потянулись в раздевалку. У многих обед был взят из дома, холостяки и такие же, как Афанасий, собрались в столовую.

Подъехавший к распашным воротам электрокар жалобно пропиликал испорченным сигналом.

– Афанасий, давай быстрее, щи стынут! – радостно закричали товарищи, уже сидевшие в открытом кузове балканкара. Афанасий быстро вытер руки ветошью и по-молодецки запрыгнул в кузов. Территория завода была большой, и можно было не успеть дойти до столовой

за короткое время обеденного перерыва, поэтому рабочие наловчились использовать подручный транспорт для ускорения этого процесса.

В длинной очереди на раздаче к нему подошла Зина.

– Здравствуй, Афанасий. – поздоровалась она. – Можно с тобой постоять?

– Конечно. – ответил он и чуть шагнул в сторону, как бы предлагая влиться в очередь.

Зина была чуть младше его. В свои 35 замужем не была и детей не имела, одевалась по моде и обладала хорошо сохранившимся, привлекательным и соблазнительным телом. Она нравилась мужчинам и, зная об этом, воспринимала это как само собой разумеющееся. Женщины же, даже более молодые, завидовали тихой завистью Зининой эффектности.

Очередь двигалась быстро, умелые повара лихо разливали первое и накладывали второе, кассир с диким сосредоточенным взглядом стучал по кнопкам кассового аппарата как швейная машинка, отбивая чек за чеком, держа в голове ценники всего меню.

– Как у тебя дела? – поинтересовалась Зина, когда они сели за стол.

– Как обычно. – неопределенно ответил он, думая, стоит ли вдаваться в подробности, если это вопрос риторический. Но Зина знала о нем немножко больше других, поэтому уточнила:

– Как с женой? Ругаетесь?

– Ругаемся? – переспросил Афанасий, затем глубоко вздохнул, поболтал ложкой в супе и, бросив взгляд в окно, продолжил. – Это она со мной ругается, а я молчу.

– Почему ты не хочешь все изменить?

– Изменить? А зачем?

– Как зачем? – удивилась Зина. – Разве тебе не хочется жить лучше, чтоб не ругаться, чтоб домой хотелось идти. Быть счастливым, наконец?

– Нет, не хочется. – ответил Афанасий, затем сделал паузу. Понял, что Зина ждет от него продолжения, поэтому продолжил:

– Почему все гонятся за счастьем? Почему все хотят жить сегодня лучше, чем вчера, завтра лучше, чем сегодня?

– Но это же естественно.

Афанасий посмотрел на Зинин телефон, лежащий на краю стола.

– У тебя какая модель? – спросил он.

– Шестая.

– А я слышал, уже седьмая вышла, не хочешь себе новый?

– Я уже заказала, скоро придет. – призналась она.

– Вот! А я не хочу. Люди проживают эту жизнь, как будто в магазин ходят. Идут вдоль прилавков и смотрят вокруг. Хочу счастья, хочу здоровья, хочу то, хочу это. Это называется потребительское отношение, и вам меня не понять. Мы на разных языках говорим, разными категориями судим. Есть такая модная поговорка: «Бери от жизни все». Так вот я живу не для того, чтобы брать, а для того, чтобы отдавать.

– Ну и что толку? – ухмыльнулась Зина. – Жена тебя использует как только может, а тебе какой прок от этого? Таких мужиков, как ты, тряпками называют, а я ведь знаю, что ты не тряпка.

– Зина, ты сама себя послушай. Ты снова спрашиваешь, какой мне в этом толк. А я тебе объясняю, что мне не надо никакого толка, никакой выгоды. Пользуется мной супруга, ну и на здоровье. И вообще, давай оставим этот разговор, пока не поссорились.

– Хорошо, давай оставим. – ласковым примирительным тоном согласилась Зина. – Кстати, ты случайно не хочешь мне кое-что дать? – при этом нежно коснулась рукой его руки. Он внимательно посмотрел на нее, в зеленых, красивых, подведенных тушью глазах играли озорные огоньки.

– Афанасий. – после некоторой паузы продолжила она, – Голова что-то ужасно болит, и слабость во всем теле. Зайдем ко мне после обеда?

– Конечно. – согласился он. – Я всегда рад помочь тебе, только бы ты пореже курила и почаще высыпалась, тогда может и в моих услугах реже нуждалась.

– Перестань – игриво ответила Зина, сложила треугольничком салфетку и заправила ее в нагрудный карман рабочего халата Афанасия так, что получилось очень похоже на платок в строгом деловом костюме, не хватало только галстука. – Ты, можно подумать, святой у нас.

Афанасий подошел к висящему на стене телефонному аппарату, на вращающемся круглом диске набрал короткий номер внутренней связи, в трубке зашумело.

– Алло, Владимир Николаевич, это Петров Афанасий. – после ответа собеседника продолжал. – Меня в бухгалтерию попросили зайти помочь, я задержусь с обеда на пол часа? Да, да, хорошо, я понял.

Повесив трубку, он коротко сказал:

– Пойдем.

Они шли по длинным темным коридорам с бесконечными дверьми кабинетов, здороваясь со встречными работниками, по многочисленным переходам и лестничным пролетам, переходя из одного корпуса в следующий, и в следующий, петляя в сложном лабиринте объединенных между собой зданий.

Наконец, оказавшись в отдельном кабинете заместителя главного бухгалтера, Зина закрыла дверь на замок изнутри, положила свою дамскую сумочку на тумбочку рядом с рабочим столом, заваленным пачками бумаги, затем прошла в смежную комнату и жестом позвала за собой Афанасия. Этот кабинет был превращен в комнату отдыха, плотные шторы создавали полумрак, кожаная мягкая мебель манила к себе отдохнуть и понежиться. Зина сняла деловой жакет и небрежно бросила его в кресло, сама же, сев на диван, сняла туфли на высоком каблуке, руками размяла уставшие ступни, затем расстегнула две верхних пуговицы белоснежной блузки и по-кошачьи изящно растянулась на диване, с наслаждением потягиваясь.

Афанасий взял стоявший в углу табурет, приставил его к дивану. Сюда же подкатил журнальный столик и поставил на него снятый с подоконника горшок с пышно цветущей яркочерными цветами кливией, затем сел рядом.

Зина сама взяла его руку. Ее тонкая кисть с изящным запястьем уютно устроилась в его руке, нежные подушечки пальцев приятно щекотали ладонь. Свободной рукой Афанасий обхватил растение, вокруг него появилось густое темно-зеленое свечение. Голова его закружилась, веки непроизвольно закрылись, все потемнело и унеслось куда-то, как сдутое ветром. Тьма быстро рассеялась, и он оказался на навесном мостике, натянутом над глубоким ущельем. На нем была одета лишь одна набедренная повязка, под тонкой бронзовой кожей, блестящей под палящим солнцем, рельефно проступали бугры мышц. В руках он держал по деревянному глубокому ведру с ручками из кокосового волокна. С одной стороны ущелья было озеро, берега его высохли и оголились, отступившая вода обнажила каменное дно, резко контрастировавшее с окружающим зеленым пейзажем. С другой стороны в каменном распадке находилась небольшая лужица с прозрачной водой, питаемая ручейком, падающим с соседних скал. Афанасий бегом бросился к этому водоемчику, зачерпнул оба ведра и так же бегом побежал на противоположную сторону по раскачивающемуся веревочному мосту. Добежав до озера, он вылил в него воду и без промедления бросился обратно.

Вскоре от напряженной работы крупинки пота выступили на плечах и груди, а затем и по всему телу. Бега по мосту с ведрами и переноса воды, он был весь мокрый, но не от воды, которую носил хоть и быстро, но бережно, не расплескав ни капли. И даже нещадно палящее солнце не успевало высушить разгоряченного тела, струйки соленого пота, стекая по взмокшему лбу, просачивались сквозь брови и попадали в глаза, разъедая их. Во рту пересохло, глотать было уже нечем, губы высохли и растрескались, жажда мучила нещадно,

но он не смел остановиться ни на мгновение, не смел прикоснуться к живительной влаге. Так, работая без отдыха, он переносил почти всю воду из маленького озера в большое. Уровень воды в большом заметно поднялся, но все равно не доходил до прежних границ, в маленьком же на дне осталось воды лишь на несколько пригоршней. Афанасий поставил на землю ведра, устало опустился на валун, поросший мелким светло-зеленым мхом. Сердце гулко билось в груди, в такт ему кровь пульсировала в висках, легкие жадно хватали воздух, потяжелевшие веки опустились, и все погрузилось во тьму.

– Афанасий! Афанасий! – позвал голос Зины.

Он открыл глаза, и устало посмотрел на довольное, счастливое Зинино лицо.

– Пить. – поперхнувшись сухим горлом, попросил он.

Зина легко спорхнула с дивана, босиком на цыпочках убежала в кабинет, забрякала там графином, затем вернулась со стаканом воды. Пока Афанасий жадно пил, она снова уютно устроилась на диване.

– Цветок будет жить? – спросила она.

– Да, будет. – ответил он, распрямляя затекшую от неудобного сидения на табуретке спину. – Я ему оставил достаточно энергии, он сильный, поправится. – Свечение вокруг растения пропало, листья, потеряв тургорное давление, опали и теперь тряпками свисали на стол. Афанасий вылил в горшок недопитую воду из стакана, предусмотрительно оставленную специально для этого.

– Цвет конечно опадет, но само растение должно выжить, я стараюсь не вычерпывать все до остатка. Не трогай его до завтра, листья легко повредить. Вечером перед уходом еще раз полей, только немного, четверть стакана, и шторы раздвинь, но на окно не ставь еще два дня.

– Знаешь, я после тебя как заново рождаюсь, столько сил и энергии, десять лет долой! – радостно делилась впечатлениями Зина. – Послушай, у меня родственница есть, у нее ишемия сердца, ты можешь ей помочь? Она хорошо отблагодарит.

– Нет, не смогу. Немного облегчить смогу, но не вылечить. В растениях мало энергии. Чтоб такую болезнь вылечить, надо гектар дубового леса извести, а дубы у нас не растут, соснового леса гектара два надо.

– Так в чем проблема? – удивилась Зина. – Я найду выход на лесхоз, выпишут тебе хоть десять гектаров ради такого дела. Слава Богу, лесов у нас хоть отбавляй.

– Нет, все равно не смогу, физически не смогу.

– Ну а есть что-то посильнее растений? Ну, животные там, или люди?

Афанасий устало ухмыльнулся, посмотрел на нее и ответил:

– Это жизнь, понимаешь. Это значит обречь кого-то на мучения и смерть.

– Тогда не у людей, у животных-то можно забрать? Их все равно тысячами на мясо забивают.

– Все равно нет. – покачал он головой. – Мне никто не давал права распоряжаться чужой жизнью.

Зина взглянула на часы и, надев туфли, стала поправляться, вертясь около зеркала.

– Послушай. – сказала она. – Ты знаешь, какие перемены у нас на заводе грядут?

– Ну, мужики что-то говорили. Покупают нас что ли?

– Не то слово, покупают. Москвичи приходят к власти, а у них знаешь какая политика? Они скупают все в регионах, половину народа сразу выгоняют, остальным зарплату ставят минимальную и всю прибыль к себе в Москву забирают и там жируют на них. Качают деньги из регионов, а на людей им плевать. Так что смотри, Афанасий, не посмотришь на твои заслуги. И я за тебя не смогу заступиться, саму на улицу выгонят.

Она вздохнула, закончила оправляться и вышла в кабинет. Афанасий, пройдя за ней, сказал:

– Зина, у меня к тебе просьба будет.

– Какая?

– У Толика Силина, сварщика нашего цеха, цветок есть, большой, надо пристроить, а то им мешает, а у нас в 12-м корпусе на втором этаже в холле место есть.

Едва заметная улыбка скользнула по красивому лицу и затаилась где-то в уголках ее желанных губ. Взяв трубку и набрав номер, Зина бодрым голосом заговорила:

– Владимир Николаевич? Здравствуйте, как вы поживаете? Как у вас дела в цехе? – Зина закатилась звонким легкомысленным смехом на какую-то шутку, сказанную ей на другом конце провода, затем, просмеявшись, спросила:

– Владимир Николаевич, позовите, пожалуйста, к телефону Анатолия Силина.

Дождавшись ответа Силина, она записала адрес, затем набрала гараж и, немного пококетничав с начальником транспортного цеха, распорядилась выслать грузовую машину с двумя рабочими по указанному адресу.

– Вот видишь, Афанасий, все ради тебя! – мило улыбнулась она ему, встав, подошла вплотную. Афанасий физически почувствовал тепло ее тела, смеющиеся колдовские зеленые глаза заглянули ему в лицо, тонкая ручка змеей обвилась вокруг шеи и она, притянувшись к нему, сильно, но без страсти, поцеловала в губы, затем свободной рукой щелкнула замком двери и мягко подтолкнула Афанасия к выходу.

Идя в свой цех под морозящим дождем, он вдруг подумал о том, что никто и никогда не спрашивал его о том, как он сам чувствует себя после таких процедур. Сейчас, после пустякового снятия легкой головной боли, он чувствовал себя как после 10-ти километрового бега по пересеченной местности.

Позади послышался писклявый сигнал балканкара, Афанасий на ходу запрыгнул на платформу притормозившего рядом оранжевого детища болгарских инженеров и поехал в цех в обществе двух больших деревянных катушек силового кабеля.

Рабочие операции по сборке коробки передач, несмотря на большое количество деталей и специфические приемы их установки и сочленения, были не сложные. После многократного повторения они выполнялись практически автоматически, благодаря чему Афанасий мог направить часть мыслительных процессов в приятное для себя русло. Сегодня он думал о Зине. Нравилась ли она ему? Конечно нравилась. Такая женщина не могла не нравиться. Был в ней какой-то незримый, необъяснимый, природный магнит. В походке ее, в манере одеваться, в жестах и движениях, во взгляде и интонации голоса виделась Женщина. Женщина в самом хорошем, мужском, смысле этого слова. Женщина может быть матерью, сестрой, знакомой, коллегой, соседкой, учительницей, однокурсницей, подругой, начальницей, подчиненной. Женщиной можно назвать продавщицу кваса, сидящую около желтой бочки под зонтиком, кондуктора автобуса с толстой сумкой через плечо, уборщицу производственных помещений со шваброй наперевес. Зина была Женщиной-Самкой. И в это слово Афанасий вкладывал влажные полураскрытые губы, прерывистое теплое дыхание, дерзкий изгиб бровей, глаза, смотря в которые, он видел отражение самого себя, нежные ласковые пальцы, тонкую шею, дурмящий аромат мягких густых волос... Еще много чего он вкладывал в это слово, но было одно «Но», которое не позволяло ему стряхнуть оковы цивилизации и поддаться зову природы. И это было не стеснение, не колючие пути брака. Зина, выражаясь интеллигентно, была непостоянна. Не только она нравилась мужчинам. Мужчины тоже нравились ей. Именно поэтому Афанасий, имевший непосредственный доступ к телу, не пользовался этим. Ему вдруг вспомнился случай из детства, когда в детском саду один ребенок, именинник, принес в группу кулек шоколадных конфет и раздал каждому по одной. Все дети дружно чавкали, вымазав счастливые лица и крохотные ладошки в коричневой сладости, и лишь маленький Афоня не стал есть конфету. Воспитатели и нянечки в пол голоса переговаривались, удивляясь такому поведению. Откуда им было знать, что тихий и послушный Афоня первый раз в жизни испытал маленькое счастье быть Единственным, кто не съел конфету.

Афанасий вышел из автобуса на две остановки раньше, чем следовало. Он часто так делал, когда была хорошая погода, и можно было полюбоваться, к примеру, оранжевым закатом, красными листьями рябины, играющими в песочнице детьми. Или когда не хотелось возвращаться домой, когда тянуло просто прогуляться, думая и мечтая о чем-то своем. В общем, он практически всегда выходил заранее, за две остановки.

Дверь квартиры была не заперта. Тихо притворив ее за собой, Афанасий стал раздеваться, но, вешая куртку, случайно задел обувную лопатку, висящую на крючке, и та со звоном брякнулась на пол. На шум из кухни в коридор вышла жена. Она была на голову выше его, широка в кости и вся в целом довольно крупна.

– А-а-а, явился, кормилец наш! – поздоровалась она, стряхивая с рук воду, оставшуюся после кухонных дел. – Это что такое, ты мне можешь сказать, а? – закричала она.

Афанасий посмотрел на нее непонимающим взглядом. Жена, уперев толстые мокрые руки в бока, ушла на кухню. Афанасий услышал, как там брякнула дверца холодильника. Вернувшись, она с размаху что-то бросила в него. На счастье Афанасия, в этот самый момент он как раз нагнулся, чтобы развязать шнурки на ботинках, сверток пролетел над головой, стукнулся о дверь и упал аккуратно ему под ноги. Это был шмат сала, успевший с утра замерзнуть в морозилке.

– Ты что, скотина, делаешь, а? – продолжала кричать жена. – Что это за подачки ты носишь, а? Сколько я тебе раз говорила, не ходить к этим убогим нищebroдам! С них взять нечего! Ишь, салом рассчитаться решили! Да я шас спущусь и этим салом её по мурлу отхожу! Подумать только, люди добрые, сало он принес. Жена три года в одной шубе ходит, а он сало несет! Колени у меня всю жизнь болят, батрачу тут на вас целыми днями, как проклятая, а ты вылечить не можешь, зато чужих людей спасаешь за жалкую милостыню!

– Колени это от лишнего веса. – заикнулся было Афанасий, но вовремя замолчал, подобрал с пола кулек, отряхнул от прилипшего мусора и прошел на кухню мимо сверлящей его взглядом жены. За столом, забравшись с ногами на стул, дочь ложкой ела сгущенку прямо из жестяной банки.

– Лена здравствуй. – тихо произнес Афанасий, но дочь демонстративно его проигнорировала. Жена, между тем, продолжила:

– Родная супруга в прошлогодних сапогах зиму ходить будет, дочери за институт заплатить нечем, а он сало домой носит, урод! Ты вообще думаешь башкой своей бестолковой? – говоря это, она активно жестикулировала, смахнула со стола пачку газет и даже не заметила этого, изо рта во все стороны летели мелкие капельки слюней.

– Может, дочери стоило лучше учиться, чтобы на бюджетное место попасть? – попытался защититься Афанасий. Жена только набрала в себя побольше воздуха, чтобы как следует ответить, но тут встала дочка:

– Да пошел ты, папочка! – крикнула она и запустила в него пустой, вылизанной до блеска банкой сгущенки. Острый край крышки чуть чиркнул по коже, маленькая красная капелька покатила по щеке. Дочь сначала испугалась вида крови, но затем, осмелев, добавила:

– Так тебе и надо, чтоб ты сдох, скотина!

Обработав в ванной рану и заклеив ее тонкой полоской лейкопластыря, Афанасий вернулся на кухню. Жена с дочкой уже ушли. Он посмотрел кастрюли, но там были лишь пропавшие остатки позавчерашнего супа да горсть подсохших макарон, сваренных без соли. В раковине высилась гора накопленной за день посуды, стол заставлен стаканами с чайными ложками в них, в некоторых на дне плавали дольки лимона. По количеству стаканов можно было определить, кто и сколько раз за день пил чай.

Освободив от крошек и посуды небольшой уголок на столе, Афанасий отрезал от многотрадального шмата сала небольшой кусочек и стал жевать его в прикуску с куском чер-

ного хлеба, молча в тишине смотря на красочный пейзаж океанских островов под календарем на стене и размышляя о том, когда, в какой момент он упустил нить их семейных отношений. Куда унеслось то время, когда им обоим приятно было смотреть друг другу в глаза? Почему остались позади тихие прогулки в парке и бессонные ночи? На эти вопросы Афанасий не мог ответить даже самому себе.

Оставшийся вечер он провел на кухне, прибираясь и перебивая посуду. Больше его никто не донимал. Закончив с приборкой, он набрал из бутылки под ванной в лейку воду и тихо, как тень, прокрался на балкон. Жена сидела в комнате, и, развалившись на кровати, смотрела по телевизору какое-то ток-шоу, не обращая внимания на мужа.

На балконе была организована настоящая маленькая оранжерея. Здесь Афанасий отдыхал. Тут его не трогали ни жена, ни дочь. Они знали, что здесь находится лекарство от коленей, от головной и зубной боли, от плохого самочувствия и от простуды. Афанасий полил растения, нуждавшиеся в поливе, разрыхлил почву, почистил от засохших листьев, затем устало опустился на стул в углу, облокотившись о стену, закрыл глаза.

Он снова увидел свои цветы, но каждый из них теперь имел неповторимое, присущее только ему свечение. У всех у них свечение имело зеленый цвет, но оттенки, форма и пульсация были разные. Сквозь закрытые веки картинка была неясной, мерцающей, ускользающей. Затем все смешалось, и Афанасий увидел вместо горшков с растениями стаканы с водой. Он встал, подошел ближе. В каждом стакане был разный уровень воды. В одних вода была лишь на самом дне, это значит, что он пользовался ими недавно, в других воды было больше. Выбрав самые полные стаканы, он сделал из них по два-три глотка и почувствовал, как силы медленно восстанавливаются. Дело, за которым он сейчас зашел в этот мир, было сделано, но он не спешил уходить обратно. Так и стоял, балансируя между сном и явью, стаканы с водой вновь превратились в мерцающие зеленым свечением растения, которые только одним своим присутствием наполняли пространство радостью, бодростью и оптимизмом. Спустя какое-то время откуда-то из далека, едва слышно, донеслось:

– Эй. Эй. Эй ты.

Афанасий открыл глаза и увидел стоящую на пороге жену.

– Эй, ты, пошли спать. – сказала она и, не дожидаясь ответа, ушла в комнату.

Уже лежа в постели, она ткнула его локтем в бок и приказным тоном произнесла:

– Делай массаж!

Афанасий лишь отвернулся и сжался в позу зародыша, но просьба повторилась с ноткой угрозы. Зная, что этого не избежать, он помедлил несколько секунд, затем сел на кровати, развернулся к супруге. Тело жены лежало спиной вверх, уже готовое к процедуре. Привычным движением он расстегнул бюстгальтер, откинул в стороны ляжки, несколько раз прошелся вверх – вниз по упругой коже, растирая и разогревая тело. Когда под ладонями образовалось достаточное тепло, он начал сильными движениями пальцев разминать каждую мышцу в отдельности. Из-за слоя жира добраться до мышц было не легко. Закончив с поясницей, Афанасий перешел к грудному отделу. Здесь до мышц добраться было легче. Сначала он использовал легкие поглаживающие движения, затем плавно увеличил воздействие усилением давления и использованием костяшек пальцев. Далее такому же воздействию подверглись трапециевидные мышцы и мышцы шеи. После завершения работы Афанасий сел на ягодицы жены и потянул вниз ее трусы. Она привстала на локте, недоумевающе оглянулась на него и, поняв в чем дело, сказала:

– Ишь ты, куда собрался!...Тебе кто разрешал, а? – она вильнула бедрами и сбросила с себя мужа, затем приказала:

– Спать!

В темной комнате бесшумно моргали электронные часы, через открытую форточку с улицы доносился гомерический смех гулящей молодежи.

На утро жена проснулась раньше Афанасия, не стесняясь никого гремела на кухне посудой, шваркала по коридору и стучала дверками шкафов. В этот день был выходной. Афанасий не хотел, как обычно, бегать. Он просто лежал и в полудреме неспешно ворочал в голове какие-то приятные обрывки мыслей.

– Ты когда моими коленями займешься? – оторвала его жена от приятного времяпрепровождения, зайдя в комнату и присев на край кровати. – Болят, сил нет терпеть. Погода, похоже, будет меняться. Перед сменой погоды всегда так. Всегда так реагируют. Знать, холода ударят. Зима скоро, снегу навалит, как будем потом в лес ходить?

– Сегодня выходной, поехали, съездим. – ответил Афанасий.

– Сегодня? Ишь ты, какой быстрый. Это ж целая история, как я так поеду? Я не готовилась, это ж надо как-то заранее, не враз вот так.

Зная привычку супруги делать из любой мелочи слона, Афанасий, не отвечая на пустые причитания, пошел умываться.

В результате жена собралась едва ли не быстрее самого Афанасия.

Пригородная электричка бодро тянулась по звонким рельсам зеленой гусеницей, покидая унылый город. За мутным окном потянулись дачки с чахлыми домиками, на участках тут и там дымились кучки сжигаемой ботвы. Вскоре они скрылись за лесополосой. В полупустом вагоне сидели неутомимые дачники, бодрые старушки живо обсуждали способы обработки теплиц серными шашками.

Через пол часа Афанасий с женой вышли на неприметном полустанке. Когда шум уезжающей электрички стих и на окрестности опустилась живая сельская тишина, они двинулись по узкой тропинке, проложенной через заросли ивняка. Деревня располагалась в полукилометре от станции, на опушке леса. Около одного из домов их окликнула женщина, мывшая окна, стоя в палисаднике на табуретке в домашнем халате и галошах на босу ногу:

– Машка привет!

– Привет. – крикнула жена Афанасия в ответ, махнув рукой.

– Вы в лес?

– Ага.

– Ну ступайте, мой Аркашка уж там. Обрато пойдете, заходите на чай.

– Хорошо, зайдем. – крикнула Машка, скрываясь за поворотом.

По накатанной лесной дороге было приятно легко идти. Свежий хвойный воздух вводил в легкую эйфорию, толстые прямые стволы, уходящие вверх и раскрывающиеся в вышине широкие густые кроны, дарили ощущение спокойствия и равновесия. Лес без надоедливой подлески казался легким, просторным, хотелось петлять меж рыжих сосен и дымчато-зеленых разлапистых елей по мягкому подстилу из опавших иголок и шишек. В это время года наступал тот редкий баланс, когда уже не надо было поминутно отмахиваться от назойливых комаров, наглой мошкеры и бесцеремонных слепней, но в то же время близкие холода еще не успели сковать ледяной хваткой все вокруг. Уже готовый к зимней коме, лес успевал доживать последние теплые деньки: Долбили стволы дятлы, кукушки куковали кому-то, сороки перелетали с ветки на ветку, гомонили другие птицы, неуловимые взглядом белки роняли с вышины вышелушенные шишки, в траве в дальней лошине кто-то пыхтел. Машка, жена Афанасия, шла медленно, переваливаясь с боку на бок, часто останавливаясь и переводя дыхание, поминутно жалуясь то на боль в пояснице, то на колени, то на свою тяжелую женскую долю. Афанасий нашел ей пару жердей. Молодые ровные сосенки давно засохли, задавленные взрослыми деревьями, кора на них облетела и они стали гладкими, как черенки.

– Ты бы мне еще костыли подарил. – сверкнула взглядом на него жена, но, приняв жерди и орудия ими как лыжными палками, зашагала заметно бодрее.

Через некоторое время дорога вывела на деляну. В дальнем углу вырубке деловито тарахтел старый, черный от собственной копоти, трелёвочник. На краю, у дороги, на ступеньках

вагончика сидел мужичек неопределенно-среднего возраста, лениво почесывая рыжую щетину на круглом подбородке.

– Здорово, свояк! – подойдя, панибратски хлопнула его по плечу Машка. От шлепка тот чуть не выронил из коротких опухших пальцев окурочок. Поздоровавшись с Афанасием, сказал:

– Вы за деревьями?

Получив утвердительный ответ, он взял бензопилу и двинулся по краю вырубке, огибая завалы поваленных деревьев. Афанасий с женой последовали за ним.

– Я тут давно приметил два дерева. Не меньше двухсот лет, ровные, здоровые, и стоят рядом, можно руками сразу до обоих дотянуться. – на ходу говорил Аркашка. – Через неделю там будем валить, так что можешь забирать все, без остатка. – обратился он к Афанасию.

Перед входом в лес Аркашка остановился около одного из поваленных деревьев, о свежий спил затушил окурочок, двумя пальцами смачно высморкался в сторону и, вытерев пальцы об засаленные брезентовые штаны, рывком тросика завел бензопилу. Умело орудуя ею, он быстро выпилил бревно высотой с табурет и диаметром, позволяющем ему устойчиво стоять, не переворачиваясь. Закончив работу, Аркашка сел на свежую чурку, как бы пробуя потребительские качества вновь изготовленного предмета мебели, вытряхнул из галош опилки. Поставив пилу на высоком пне, чтоб ее было видно издалека, они с Афанасием вдвоем потащили бревно в лес к нужному месту.

Две красавицы сосны, как корабельные мачты, своими ровными стволами уходили высоко вверх, сливаясь там своими кронами с остальным лесом. Афанасий примерился разведенными руками к ним. Размаха рук действительно хватало.

– Ну, я пойду. Если что, я там, в вагончике. Обрато будете идти, позовите, вместе в деревню поедем. – сказал Аркашка и побрел обратно, на ходу раскуривая следующую сигарету.

Используя бревно как стол, Машка разложила на нем нехитрую снедь. Перекусив вареными яйцами и хлебом с многострадальным салом, стали готовиться. Афанасий неспеша перекаптал чурку, установив ее между стволами. Тут же рядом предусмотрительно положил фляжку с водой. Жена села, ерзая и устраиваясь поудобней. Он подошел к ней вплотную. Она завела руки ему под куртку, покопалась под свитером и, задрав наконец футболку, холодными руками ухватила мужа за талию. Вздрогнув от неприятного холода, Афанасий оперся руками о стволы деревьев. В затылке слегка защекотало, затем появилось ощущение опускающегося скоростного лифта, через пару секунд переросшее в чувство свободного падения. Но падение это ускорялось совсем не по законам физики. Стремительно нарастая, перегрузка преодолела предел возможностей человеческого организма, мир вокруг померк.

Афанасий стоял у начала курумника. Каменные россыпи простирались далеко в стороны и вверх, теряясь в низких облаках. Далеко внизу виднелась граница леса и блестящая полоска горной реки. Холодный ветер трепал легкую курточку. Среди зарослей карликовой, по колению, березки, возвышались две одинаковые, аккуратно сложенные каменные пирамидки высотой в человеческий рост. Между ними стояла большая, плетеная из прутьев корзина цилиндрической формы с веревочными лямками.

Не теряя времени, Афанасий подбежал к пирамидам и стал разбирать их, наполняя камнями корзину. Заполнив, он подсел под нее, закинул лямки на плечи и с трудом встал. Тонкие веревки врезались в плечи, круглая корзина перекатывалась по спине, выступающие прутья кололи тело. Слегка подпрыгнув, Афанасий поправил ношу. Сведя лопатки и прогнув поясницу, он образовал в спине небольшой желобок, в котором разместилась корзина. Оглянувшись вниз и задержав взгляд на ленточке реки, он двинулся вверх, ступая по серым валунам.

Там, где камни были небольшие, можно было идти по ним, аккуратно перешагивая с одного на другой. По камням размером с легковой автомобиль приходилось карабкаться, цепляясь руками за выступы. Периодически на пути встречались валуны размером с грузо-

вую фуру и даже больше. Их Афанасий обходил, заранее взглядом просматривая удобный путь. Периодически он оставлял на камнях небольшие туры из двух-трех маленьких камушков, отмечая обратный путь. По мере подъема уклон становился круче, все чаще при передвижении даже по небольшим камням приходилось подключать руки. Начали встречаться снежники. Некоторые из них можно было обойти, крупные Афанасий преодолевал, предварительно перед каждым шагом выдалбливая ботинком ступеньку в твердом слежавшемся снегу.

С набором высоты становилось холоднее, ветер усиливался, но, разгоряченный подъемом и ношей, Афанасий уверенно двигался вперед, не обращая внимания на летящие в лицо клочья облаков, ледяные пощечины ветра. Забравшись на вершину, он присел, опер корзину о камень и высвободил плечи. Завалив ее на бок, вывалил содержимое. Из принесенных камней сложил две маленькие пирамидки. Пока складывал, немного отдышался и восстановился. Под ним, скрывая под собой землю, плыли серые облака нижнего яруса. Сверху облака верхнего яруса заслоняли солнце. Они были настолько плотные, что местонахождение небесного светила на небосклоне можно было определить весьма условно. Путь вниз показался заметно легче, но бдительность Афанасий не терял, сохраняя концентрацию, чтобы не оступиться.

Вернувшись к пирамидам, он без промедления начал наполнять корзину, изредка бросая косые взгляды на далекую, недоступную реку. Подступала вечная его спутница – жажда. Второй подъем уже не был столь легок и свеж, как первый. Появилась одышка и испарина. Вслед за жаждой пришла ее лучшая подружка – усталость. Пирамиды уменьшались предательски медленно. После очередной ходки Афанасий позволил себе пятиминутный отдых, растянувшись на неровном, кочковатом мхе. Все так же свистел лютый ветер, все так же цеплялись за склон обрывки небесного пара. Тело быстро остывало и начинало мерзнуть.

Наполнив корзину остатками камней, Афанасий тронулся в крайний путь. Усталость сказывалась на восприятии и скорости реакции. Все чаще нога соскальзывала с влажных камней, и тогда тяжелая корзина заваливала его в бок, приходилось падать на острые камни, терпеть, вставать, и идти дальше. Все чаще терялся путь, в облачном тумане черной громадой возникал огромный валун и Афанасий бродил из стороны в сторону, ища обход. Пронизывающий ветер холодными кинжалами проникал под одежду, выдувал остатки тепла, и не было уже возможности согреться движением, потому что силы таяли с каждым шагом. На вершине он упал на колени перед выстроенными им пирамидами, корзина завалилась на бок, камни из нее рассыпались по таким же, как они, осколкам застывшей миллионы лет назад магмы. Замерзшими, не слушающимися от холода пальцами, Афанасий собирал их и складывал в пирамиды, завершая их наверх. Он чувствовал, что конец уже близко, последние остатки сил вытекали, таяли. Стоя на коленях, он знал точно, что подняться на ноги больше не сможет. После того, как последний камень попал на свое место, на вершину опустилась черная туча и поглотила все вокруг.

– Что ты так долго. – недовольно сказала жена, вставая с пня. – Я уже озябла вся.

Афанасий открыл глаза. Он сам, жена его и все вокруг по щиколотку было завалено опавшей хвоей. Он устало опустился на эту мягкую подстилку, нашарил рукой фляжку с водой и жадно приложился к ней. Уже вечерело, краски потускнели, и в лесу воцарилась мертвая тишина. Никто не трещал, не шелкал, не пыхтел, не прыгал по веткам. Машка недовольно отряхивалась от сосновых иголок, сняв плащ, вытряхивала их из капюшона.

– Вставай давай, чего разлежся. Я устала, замерзла и хочу есть! Пошли к Таньке. – сказала она и, не дожидаясь мужа, пошла по лесу, правда в совсем в другом направлении.

Афанасий не стал ее задерживать, полежал еще немного, переводя дух, еще немного попил воды, затем стал собираться, отряхиваясь от опада. Две красавицы-сосны стояли сухие, укоризненно качая на ветру голыми ветками. Вскоре вернулась жена.

– Ты почему не сказал мне, что я не туда пошла? Избавится от меня хотел, да? Да я тебя сама брошу, дурака! Пошли давай.

Она бодро, позабыв про палки, пошла в нужную сторону, а Афанасий взял жерди, с которыми до этого шла жена, и, опираясь на них, побрел за ней. За счастливой, полной сил и энергии, позабывшей про колени женой, было трудно угнаться. Когда он подошел к вагончику Аркадия, мотоцикл с коляской уже тарахтел на холостом ходу. Афанасий сел на люльку, руками за штанины перенес по очереди обе ноги внутрь и опустил на сиденье. Подождав немного, потянулся вперед и два раза крутанул ручку газа. На звук вышли Аркаша и Машка.

– Ты чего это тут разлегся, вылазь, я в люльке поеду. – возмутилась жена. Но Афанасий никак на это не отреагировал. Постояв немного, Машка села позади водителя и все трое помчались в деревню.

Наевшись домашней похлебки из бараньих ребрышек и запив это поллитровой бутылкой водки, Машка со своей сестрой Танькой сидели за столом на кухне и чесали языки.

– Знаешь, Танька, к нам в город икону Смоленской Божьей матери привозили. Ее по всей стране возили по железной дороге, в отдельном вагоне. Она, говорят, чудотворная, потому что намоленная, не то, что эти деревяшки в нашей церквушке.

Афанасий, сидевший напротив и доедавший суп, услышав это, не смог удержаться, ухмыльнулся.

– А ты чего ржешь, безбожник? – прикрикнула Машка, затем снова обратилась к сестре. – Представляешь, этот... – она ткнула пальцем в сторону мужа. – Этот ни разу в церкви не был! Безбожник! Что тебе смешного тут?

– Просто ты так говоришь, будто не о предмете Веры, а об утюге, у которого и мощность больше, и гладящая поверхность более скользкая, потому им и гладить удобнее.

– Да ну тебя! – жена пьяно махнула на него рукой и снова обратилась к сестре. – Там народу набилось, полный вокзал и полная платформа. Но у меня-то есть связи, да-а-а, есть. – при этом она деловито уперла кулак в бедро и закивала, искривив лицо в попытке достать языком застрявший кусочек еды в дальнем уголке рта. – Так вот, я договорилась, меня по благу, без очереди провели в вагон. Представляешь?

– По благу к богу на прием попала, молодец! – прокомментировал Афанасий.

– А что тут такого? – вступилась Танька. – Мы Лёньку, например, крестить возили в Чугунаево. Это 150 километров от сюда. Хотя у нас тут своя церковь есть. И тоже по благу туда попали. Без этого никак, знаешь, какая очередина там?

– Ну и зачем? – поинтересовался Афанасий, хотя уже наверняка знал ответ.

– Потому что там модно крестить детей. Все туда ездят.

– Там бог что ли лучше?

– Да причем тут бог? Просто в Чугунаево лучше.

– Ты-то что понимаешь? – опять вступилась жена. – Сам безбожник, а морали нам читаешь!

– Я, может, и верю, только не в то, во что верите вы. И если уж верить, то верить везде и всегда, а не выбирать, где верить лучше, а где хуже.

После этого он ушел в соседнюю комнату и лежал там в полумраке на диване. Редко когда он доводил себя до такой усталости. Афанасий дрожал мелкой, едва видимой со стороны дрожью, и хотя в доме было натоплено, озноб волнами пробегал по изможденному телу. Он размышлял о том, что потребительское отношение пробралось даже в веру.

В комнату вошла Татьяна. Она присела на край дивана, разглядев, что Афанасий не спит, сказала:

– Афанасий, мигрень меня замучила, сил терпеть нет. Помогите, а, Христа ради.

– Таня, не могу я сегодня, устал я. Давай в другой раз? – взмолился Афанасий.

– В какой другой раз? – удивилась она. – Вы к нам раз в пол года приезжаете, а я должна терпеть что ли? Маша вон говорит, чужим людям помогаешь, а нами, родственникам, брезгуешь? Аркашка мой с печенюю мается, и то к тебе не подходит, боится побеспокоить.

– Может пореже вам пить, тогда, глядишь, и само пройдет? – ответил Аркадий.

– Да ты что такое говоришь? Как тебе не стыдно! – заплескала худыми руками, не в пример сестре, Танька, а с кухни пьяный голос жены пробасил:

– Афоня, ну ка, уважь Татьяну, кому говорят, кобель старый. – затем послышался звук падающей посуды.

– Подсолнухи у вас еще не собраны? – спросил он у Таньки.

– Нет. – ответила она.

Афанасий резко, со злости, встал с дивана, вышел в сени, от туда в огород. На убранном картофельном поле, склонив тяжелые головы к земле, торчало два десятка подсолнухов. С мину постояв, вдыхая свежий вечерний воздух и смотря на звездное небо, Афанасий подался чуть вперед и уперся в невидимую упругую мембрану. Поднажав сильнее, он прорвал ее и, сделав шаг вперед, оказался в черной пустоте. Тут не было ни неба, ни земли, ни горизонта. Лишь силуэты подсолнухов, струящиеся лучистой энергией, все так же клонили головы вниз.

Он решительно подошел к первому из них. Тот рассыпался в мельчайшую искрящуюся пыльцу, которая, как взвесь, повисла в воздухе, крупинки энергии вырисовывали в пространстве затейливые узоры. Афанасий зашел в это облако и стал купаться в нем, как в душе. Он втирал пылинки энергии в кожу, в волосы, вдыхал полной грудью в легкие, хватал ртом и глотал их до тех пор, пока не осталось ни одной. Закончив с первым подсолнухом, он с жадностью бросился ко второму, затем к третьему. Афанасий знал, что Подсолнечник маслянистый семейства Астровых самое энергетически емкое растение, доступное ему в этих широтах.

Вскоре он почувствовал, что силы переполняют его, но все продолжал в каком-то злом остервенении хватать пыльцу, втирать, вдыхать, глотать до тех пор, пока она не перестала впитываться, а наоборот, начала слущиваться, оставляя позади мерцающий след. Остатки энергии, которую не смог впитать, он разметал по пространству. Затем, успокоившись, прошел обратно сквозь невидимую мембрану и вернулся в дом.

Без объяснений взяв Таньку под локоть, он вывел ее из-за стола, где она начинала вторые пол литра с Машкой, увел в комнату, посадил на диван, тут же поставил снятый со стены горшок с традесканцией, или, попросту, березкой и легко, без подготовки, вдруг оказался в бане.

Перед ним стояла пышущая жаром печь, а рядом деревянная бочка с водой. На поверхности воды, как кораблик, плавал ковшик, зацепившись крючком на ручке за край бочки. Афанасий быстро и деловито оглянулся вокруг, одел найденные шапку и варежку, зачерпнул пол ковша воды и плеснул ее на каменку. Вода с резким хлопком белым облаком вылетела из емкости с камнями, в помещении стало сразу заметно жарче. Не мешкая, Афанасий плеснул еще пол ковша, затем еще и еще. Раскаленные до предела камни быстро испаряли воду, выбрасывая ее мелким паром обратно. Жар стал нестерпимый, пришлось сесть и переждать. Передвигаясь по полу, он толчком открыл дверь в предбанник, а оттуда на улицу. Снаружи стояла зимняя морозная ночь. Вернувшись в парилку, Афанасий разделся и начал одну за другой поддавать порции воды. Бревенчатые стены покрылись крупными каплями, маломощная лампочка в углу, окутанная туманом, едва пробивалась через эту завесу. Гроздь пота, смешанного с конденсатом, ручьями текли по его разгоряченному, поджарому, мускулистому телу. Вскоре хлопки прекратились, на подливание воды камни реагировали ворчливым шипением, но Афанасий продолжал поддавать, пока совсем не залил их. Закончив с этим, он выбежал на улицу и с наслаждением прыгнул в сугроб пышного мягкого снега.

Танька со счастливой детской улыбкой мирно спала на диване, свернувшись калачиком, жена неловко завалилась на лавке у стола, ушедший за водкой Аркашка так и не вернулся, потерявшись где-то в огородах. Афанасий вышел на улицу. Деревня спала, темнота окутала дворы и постройки. Окна домов не горели, единственный деревенский фонарь слабо освещал небольшой клочок пространства перед сельмагом. Только собаки лениво разговаривали

на своем собачьем языке, да скотина в загонах жевала жвачку, шумно фыркая, учуяв человека. Знакомой тропинкой Афанасий пошел к станции.

Последняя электричка везла его в город, пустые вагоны брякали раздвижными дверями, колеса перестукивали на стыках знакомый с детства мотив. Город встречал огнями улиц, домов, автомобилей. Здесь субботняя жизнь не спешила утихать. Закрывая глаза, Афанасий оглядывал себя и видел чистую сверкающую энергию, исходящую из него.

Он проехал свою остановку и еще три после нее, выйдя на четвертой. Ноги сами несли его по знакомому адресу. Он был здесь однажды, давно, провожая ее после работы.

Дверной звонок отыграл вторую мелодию, замок щелкнул, и за дверью показалась Зина в домашнем легком халате. Секунду ее лицо выражало недоумение, но затем легкая победоносная улыбка скользнула по губам.

Он целовал ее жадно и страстно, она отвечала ему, хоть и не способна была так открыто и сильно выражать эмоции. Сбросив одежду, они опустились на кровать и его ласки постепенно распространились по всему телу, покрывая нежностью самые сокровенные эрогенные зоны...

Зина лежала на пустынном песчаном пляже. Берег изгибался дугой и прятался за прибрежными скалами, где-то позади шумел размашистыми листьями тропический лес, а впереди во все стороны и до самого горизонта простирался могучий океан. Она лежала на спине, полностью обнаженная, бесстыже расставив в стороны красивые, точеные ноги, обратив к океану свою женственность. Высокое солнце уже раскалило тело, страстно хотелось свежести, хотелось, чтобы желанные воды поскорей накрыли ее, снимая жар и даря райское наслаждение прохлады. По своему опыту Зина знала, что волны, прибегая из водных просторов и прыгая на берег, никогда не достигали ее тела, лишь несколько раз в жизни волна подкатилась совсем близко и лишь лизнула стопы, наполовину погруженные в золотистый раскаленный песок. Все заканчивалось тем, что солнце, распалив жадное до ласк тело, как монетка в копилку, падало за горизонт, и она медленно отходила от зноя, так и не получив желанного. Поэтому Зина привыкла получать радость хотя бы от палящего солнца, своими лучами разжигающего внутренний огонь, от легкого ветерка, играющего в волосах, от шума прибоя, ласкающего мочки ушей лучше самого умелого любовника...

Он любил ее долго, временами нежно и ласково, иногда взрываясь и работая сильно и энергично, затем снова успокаиваясь и производя движения медленные и чувственные. Она извивалась под ним как змея, закатив глаза и кусая пальцы, а он, чувствуя ее приближения к оргазму, вдруг менял вектор ласк, и тогда она замирала, боясь дышать, сосредотачиваясь на ощущениях, когда же и тут подступала волна, он снова входил в нее и слезы наслаждения лились по ее щекам, а он двигался медленно, точно выверая каждое движение...

В этот раз природа будто взбунтовалась. Солнце с утроенной силой, тысячами пчел, жалило тело, мурашки бежали по коже, и когда казалось, что терпеть больше не в ее силах, океан вдруг вспучивался, гулявшая по его просторам волна набирала силу, обрушивалась на берег и быстро бежала вперед, в своей пене поглощая и ее ноги, и ягодицы, а затем, лишь подразнив, откатывалась назад. Это было откровение. Зина много раз лежала на этом пляже, мечтая о спасительной, избавительной ласке воды, и вот наконец волна достигла ее. Но солнце не спешило уходить за горизонт, а все продолжало разогревать нежное тело, когда казалось, что сильнее разогреть его уже невозможно. И волна не раз еще возвращалась в самые нужные моменты, неся с собой неземное наслаждение. И всякий раз, подразнив, отступала, а небесное светило лишь усиливало свое излучение, и вот она уже физически ощущала, как мириады фотонов мелкой дробью массируют лоснящуюся кожу. Уже не хватало той волны, она чувствовала, что должно случиться что-то необыкновенное, что-то такое, о чем она не могла мечтать, потому что не знала этого...

В течение нескольких часов он заставлял ее балансировать на лезвии оргазма, распалая все сильнее и сильнее, когда же, решив, что время пришло, он на несколько секунд продлил ласки...

Небо заволкло грозowymi тучами, тело изогнулось в сладкой истоме, голова запрокинулась, дыхание сделалось частым и неглубоким, потому что дышать было некогда. Непознанные ощущения завладели ею, уже не солнце, уже она сама себя разогревала изнутри, огненный шар раскалился внизу живота, жар его проник в грудь, комом встал в горле, закатил, против воли, глаза, и кружил, кружил голову. Казалось, еще вот-вот, еще чуть-чуть, и она сама станет источником излучения. В этот момент весь океан встал на дыбы, крутая волна разогналась и, врезавшись в берег, мягко нахлынула, наконец поглотив в себе всю Зину. Но тело не спешило остывать, а волна не спешила отступать. Эта нежность продолжалась некоторое время, а когда волна все же отступила, то внутренний жар начал снова набирать силы. И это жар накатывал стеной, стремительно, неотвратимо, в десятки раз сильнее, чем до этого. Зина сначала приподнялась на локтях, но поняла, что в этот раз ей не вытерпеть, упала опять на песок в тревожной неизвестности. Белая ветвистая молния разорвала небо, послышался сначала нарастающий гул, и за ним на нее обрушился тропический ливень. Каждая из тысяч и тысяч капель прикасалась к ней нежным поцелуем, слой за слоем покрывая собой утомленное тело...

Еще около часа он продолжал ласкать, не давая успокоиться буре внутри нее, затем оставил в мелких судорогах счастья и слезах, накрыв пуховым одеялом.

Предраассветный город был прекрасен. По дороге домой Афанасий наслаждался тишиной и спокойствием гудящих днем улиц, пустынными дворами, одинокими дворниками. Редкие прохожие, уже проснувшиеся или еще не ложившиеся, лишь подчеркивали трогательность момента временного, мимолетного затишья. Кажется, что еще пол часа, и по улице прогудит один автомобиль, за ним второй и третий, их шум постепенно превратится в назойливый нескончаемый фон, но именно сейчас, в этот самый момент стояла хрупкая тишина, и слышна была шуршащая на противоположной стороне улицы метла, и цокали по асфальту когти собачки, которая вывела на прогулку своего заспанного хозяина. Лишь сейчас можно было рассмотреть, что на небольших односторонних улочках деревья с обеих сторон, склоняя ветви, образуют свод над проезжей частью, подсвеченный одиноким фонарем. Лишь в это пограничное время можно было увидеть моргающие за ненужностью светофоры, замерзшие в полуоткрытом состоянии стеклянные двери пустынных подземных переходов, пустые остановки, закрытые магазины, одинокие лавочки на пешеходных бульварах.

Шло время. Все чаще вместо дождя небо посылало на землю снежную крупу, все чаще лужи по утрам покрывались ледяной коркой. Дни становились короче, а ночи мрачнее, и только воздух в редкую ясную погоду, покалывая кожу легким морозцем, радовал почти зимней прозрачностью. Городские голуби, кормившиеся раньше на площадях и отдыхавшие на карнизах домов, теперь грелись, нахохлившись, сидя на теплых канализационных люках, из отверстий которых просачивался водяной пар, инеем оседая на окружающих поверхностях.

Первый настоящий снег всегда отличается от той серой каши, которая, вываливаясь, как правило, раньше времени, марают автомобили склизкой грязью, налипающей на дворниках, фарах и порогах, заставляет прохожих прыгать через мутные лужи талой воды вдоль тротуаров, и поминутно сконфуженно осматривать сплошь забрызганные сзади брюки и сапоги, вычищенные и начищенные пять минут назад перед выходом.

Настоящий первый снег выпадает значительно позже, когда уже основательно промерзшая земля не может растопить его и низкое солнце не справится с ним слабыми косыми лучами. Хорошо, когда первый настоящий снег выпадает ночью, и тогда на утро все вокруг неожиданно преображается. Уставшие от серости и черни глаза видят девственно чистые

улицы, голые деревья наконец-то получают новые наряды и красуются ими друг перед дружкой, морозный воздух становится прозрачным и чистым, даже ночь перестает быть угрюмой, делаясь светлее и теплее.

Именно так и произошло в это замечательное солнечное утро. Царившая в автобусе в последние несколько недель апатия, вызванная грядущими сокращениями, уступила место оптимизму и радости. Вечно молчаливые друг с другом спутники, волею обстоятельств вынужденные каждое утро встречаться в одном и том же автобусе по пути на работу, всегда прячущие самих себя за пустыми отстраненными взглядами в окно, телефонами, наушниками, сегодня своими искрящимися взглядами искали и находили такие же восторженные взоры в глазах своих соседей, сидящих рядом, стоящих напротив. Маленькие дети, едущие с родителями до ближайшего детского садика, весело щебетали у замерзшего окна. Когда они вышли, после них на окне остались четыре протаявших до стекла отпечатка маленьких детских ладошек. Эти отпечатки видели все, но лишь Афанасий заметил, что вокруг них, быстро испаряясь, витали золотистые облачка чистой детской радости. Сняв перчатку, он легким движением собрал ее со стекла и никогда до этого момента не виданный по силе всплеск растекался по его жилам.

В раздевалке цеха стоял необычайный гомон. Рабочие, не переодеваясь, оживленно разговаривали, красноречиво при этом жестикулируя. Даже вошедший Владимир Николаевич, начальник цеха, седой усатый мужик, один из старожилов завода, по праву пользующийся авторитетом среди подчиненных, не смог сразу уговорить их. Наконец, наведя с грехом пополам видимость порядка, он вышел на середину, чтоб все его видели и слышали:

– Послушайте меня внимательно, чтоб не было потом никаких, так сказать, подпольных разговоров и сплетен. Вы все знаете, что акционеры у нас поменялись.

– Хозяева! – крикнул кто-то из задних рядов, его поддержали дружным гулом.

– Хорошо, хозяева поменялись. – согласился Владимир Николаевич. – Сегодня с вами будет встречаться их представитель, он вам будет делать предложения. Какого характера, я вам сказать не могу, потому что сам ничего не знаю.

Послышались выкрики:

– Замуж будет звать али жениться обещать?

– Известно какие, расчет и по собственному желанию.

– Бухгалтерию и плановщиков всех под корень вырезали уже.

Начальник поднял руку, прося тишины.

– Товарищи, прошу не горячиться. Про бухгалтерию и ПТО я знаю. Но подумайте, они были белые воротнички, из кабинетов своих только в столовую выходили, мы же с вами рабочий класс, нашими с вами руками делается вся продукция завода, вот этими руками сам завод создавался, поднимался с нуля, осваивались новые изделия, выполнялись и перевыполнялись планы. Мы с вами костяк, мы фундамент, мы кровь завода. Не станет нас, не станет и самого завода. А зачем им завод без рабочих, а? Зачем резать курицу, которая несет золотые яйца? Зачем ломать то, за что денежки уплачены, и не малые?

Слушатели в разноразной загудели, кто-то громко спросил:

– Да что, Николаич, так-то ничего уж и не говорят они?

Николаич, уже красный от пламенной речи и противоречивых мыслей, с удвоенной силой начал доказывать:

– Ей Богу, Семеныч, ничего не говорят. Раньше директор во всем был в курсе, в министерство съездит, с кем надо поговорит, или звоночек какой получит. А сейчас сами видите какой бардак. Москвичи люди пришлые, с нами отношений не имевшие, ни с кем не разговаривают, планов не открывают и что у них на уме мы не знаем.

Недовольный гул снова разнесся по раздевалке. Пытаясь успокоить, начальник сказал:

– Мужики! В общем, пока суть да дело, переодевайтесь, до начала смены пять минут осталось.

– Ага, держи карман шире! – сказал Толик Силин. – Сейчас работаешь, пуп надрываешь, а после обеда тебе трудовую в зубы и пинком за проходную. Верно я говорю, мужики? – присутствующие его дружно поддержали. Подбодренный коллективом, он продолжил. – Пушай собирают, беседуют, а потом и мы уж думать будем, как дальше жить-поживать. Ты то, Николаич, небось, остаться метишь, вот и выслуживаешься?

Начальник, огорченный таким обращением, махнул рукой и стал протискиваться к выходу.

В это утро никто не работал. Станки гудели, пневмоинструмент шипел подтравливаемым воздухом, кто-то замкнул контакты на пульте и кран-балка бесцельно каталась из конца в конец под потолком, рабочие слонялись между станками и верстаками, собираясь в кучки, что-то обсуждали, кое где в укромных уголках резались в домино или нарды, с тревогой ожидая развязки. Ближе к обеду снова объявился Владимир Николаевич, громко крикнул:

– Петров Афанасий! Тебя вызывают!

Афанасий, сидевший в одной из компаний и следящий за игрой в домино, медленно поднялся. Холодок пробежал меж лопаток и ноги онемели. Все остальные мужики молча сочувственно глядели ему в след, кто-то негромко высказал общую мысль:

– Первый пошел!

Выйдя на улицу, начальник хлопнул его по плечу:

– Не бойсь, это не то. Там в отделе оборудования женщине поплохело, попросили подсобить. Бери вон кару и езжай от греха подальше.

Афанасий ехал по заводской территории и, как в первый раз, осматривал ставшие за много лет родными корпуса, цеха, переходы, ели вдоль заборов. С души у него камень упал, но неприятный осадок ржавым гвоздем засел где-то в сознании.

В кабинете отдела оборудования все бегали, как ужаленные. Начальница, невысокая пожилая женщина в больших очках, встретив Афанасия в коридоре, ломая в нервах руки, на ходу стала объяснять:

– Татьяна Васильевна у нас сердечница. Положение сами знаете какое, вот и случилось. Мы нитроглицерин под язык положили и неотложку вызвали, но пока она из города доедет. А фельдшера нашего заводского неделю назад еще уволили...

Проходя мимо холла, Афанасий бросил взгляд на вольготно раскинувшуюся на половину помещения пальму. Не останавливаясь, властным голосом крикнул столпившимся в коридоре у открытых дверей людям:

– Пальму! Быстро!

Люди бросились выполнять приказ, а Афанасий наконец добрался до кабинета. По середине на полу лежала пожилая женщина, под голову ей были подложены наспех скомканые тряпки. Афанасий опустился перед ней на колени, взял за руку. Тут приволокли из коридора кадку с пальмой. Он протянул к ней руку и оказался посреди бескрайнего поля. Сухая полевая трава, местами приваленная редким снегом, пригибалась к земле лютым холодным ветром. Перед ним стояло одинокое маленькое строение, сложенное из серого силикатного кирпича, похожее на обычную трансформаторную будку. Часть стены обвалилось и с улицы было видно внутреннее нехитрое убранство комнатухи. Простой неокрашенный стол из потемневшего от времени дерева, такой же одинокий потертый табурет, маленькая прозрачная вазочка с жиденьким букетиком полевых цветов, в углу панцирная кровать с блестящими дужками, на кровати, завернувшись в байковое одеяло, что-то дрожало. Он было бросился к существу, но оно истошно запищало и еще дальше забилось в угол. Ураганный ветер быстро вымораживал помещение, существо замерзло. Около провала, рядом с вывалившимися кирпичами, виднелась кучка песка, несколько мешков с цементом, пара ведер с водой, за минуту успевшей схватиться коркой, разные необходимые инструменты. Быстро замерзал и сам Афанасий. Не медля, он схватил валявшуюся неподалеку совковую лопату, ее ударом разорвал бумажные

мешки. Цемент он скидывал прямо в песчаную кучу, затем стал перемешивать на сухую полученную смесь. Добившись однородной консистенции, он сработал в центре кучи небольшое углубление и стал аккуратно подливать туда воду. Краем глаза внутри помещения у самого провала он заметил оранжевую канистру. Схватив ее, прочитал: «Пластификатор для цементно-песчаных растворов».

– Таблетка. – сказал про себя Афанасий, разбавил им воду и продолжил мешать раствор. Температура в помещении стремительно падала, время неумолимо таяло. Наконец раствор был готов. Найденным среди мешков с цементом мастерком он начал наносить раствор на нижний ряд уцелевших кирпичей. Получалось не очень красиво, но Афанасий и не старался. Главное было как можно быстрее восстановить стену. Злой ветер трепал одежду, поднимал с земли крупные зерна лежалого снега и хлестко бросал в лицо, вышибая слезу. Руки снова мерзли, снова не слушались. Приходилось останавливать работу и согревать их быстрыми круговыми вращениями. При таких движениях кровь под действием центробежной силы прилиwała к конечностям и тем самым согревала их. Наконец, последний кирпич встал на свое место, все потемнело и пропало.

Минут через пять подоспела бригада скорой помощи. Специалисты начали проводить обязательный комплекс реанимационных мероприятий, а Афанасий, сидящий рядом за чьим-то столом и греющий руки об стакан с горячим чаем, устало сказал:

– Дровишек ей там дайте, дровишек.

Но на него никто уже не обращал внимания.

В столовой Афанасий встретил Зину. Она под села к нему за столик.

– Привет. – поздоровался он.

– Здравствуй.

– Ты разве не обедаешь? – спросил он, видя, что она пришла с пустыми руками.

– Нет, что-то не хочется. – ответила она.

Афанасий заметил, что сегодня она не такая, как обычно, нервная. Постоянно теребит руки, взгляд бегающий, не задерживающийся ни на чем.

– Послушай, если в тот раз было что-то не так, ты меня прости. – решил внести ясность Афанасий.

– Ты об этом? Перестань, все нормально. – она небрежно махнула рукой. – Знаешь, меня увольняют. 20 лет безупречной работы, и вот, пожалуйста, как драную кошку за забор.

Афанасий начал говорить обычные банальные фразы про то, что все будет хорошо, все наладится, это шанс начать новую жизнь и так далее. Зина не отвечала, молча посидела еще немного и ушла.

Вернувшись в цех, Афанасий узнал, что во время его отсутствия половина работников цеха была уволена. Они уже успели собрать вещи и уйти.

В помещении стояла гробовая тишина, уже никто ничего не пытался имитировать. В этот день цех так и не начал работать.

В автобусе, развозившем людей по домам, было непривычно свободно, многие сидячие места пустовали. Настроения гулять уже не было, не смотря на свежий скрипучий снег. Афанасий вышел на своей остановке и пошел домой.

На кухне орудовала дочь.

– Здравствуй, Лена. – поздоровался он, но она, как обычно, проигнорировала его.

В комнате он обнаружил необычный беспорядок. Открытые дверцы шкафов показывали ему пустые полки.

Вернувшись на кухню, спросил:

– Лена, а где мама?

– Ушла она от тебя, дурака. – ответила дочь, не смотря на него, занятая размешиванием содержимого кастрюли, стоящей на плите.

– То есть как ушла? – не понял Афанасий.

– Нашла себе нормального мужика и ушла. – пожала плечами дочь. – А чему ты удивляешься?

Афанасий медленно присел на стул и ничего не ответил. Такую новость требовалось переварить.

Впервые за многие годы он мог спокойно пройти по коридору и не ожидать в свой адрес крепкого словца или очередного упрека. В пустой комнате он не знал, чем заняться. Обычно в это время он бродит по улицам и тянет время. Бросив взгляд на пульт от телевизора, подумал, что не знает, что там смотреть, потому что пульт всегда и всецело принадлежал жене. Зайдя на балкон, осмотрел свои владения. Но тут все было почищено, взрыхлено и полито. Предложил дочери поужинать вместе, но та молча наложила в тарелкупельменей и ушла в свою комнату. Одинокотикали часы на стене, за закрытой дверью у дочери тихо бубнила музыка. Бесцельно побродив по квартире, Афанасий наткнулся на шкаф с книжками. Выбрав одного из классиков русской литературы, он сел читать.

В раздевалке цеха теперь было свободно. Оставшиеся рабочие не спешили работать, предпочитая щелкать костяшками домино в подсобке.

Владимир Николаевич по началу пытался уговаривать, затем угрожать, но ему неизменно отвечали одной фразой:

– Зачем пахать, если завтра на улицу?

Вскоре начальник махнул рукой и больше не появлялся в цехе.

Сыграв пару партий, Афанасий решил поработать, чтобы занять себя и скоротать время. На половину собрав очередную коробку, обнаружилось, что кончились роликовые подшипники вторичного вала. Он пошел на склад, но склад был закрыт. Начальник цеха не появлялся, а его заместитель, встреченный в бойлерной, сказал:

– Кладовщика уволили за один день, инвентаризацию никто не проводил, я у него склад не принимал. Поэтому вскрывать я его не буду. Вопрос тут денежный, материальный, а я отвечать за чужого дядю не хочу. Хочешь поработать, вон электрокар, прыгай и езжай на центральный склад.

Аккумуляторы балканкаров никто не заряжал, и они стояли теперь как памятники. Центральный склад был в 10-ти минутах ходьбы, но придя туда, Афанасий обнаружил замок на воротах. Он спросил у знакомого рабочего, проходившего мимо:

– Слушай, а где кладовщик?

– Пьяный с утра, в 10-м цехе в теплой каптерке спит.

– А начальник где его?

– Начальник? – с ухмылкой переспросил рабочий. – Начальники теперь все в Москве, а Москва далеко.

На этом желание трудиться у Афанасия пропало, и он, посмотрев на часы, пошел в столовую.

Очереди, которая раньше растягивалась на весь зал, теперь не было. Не было и кассирши, с невероятной скоростью отбивавшей чеки. Вместо нее теперь сидела толстая заведующая столовой собственной персоной и неуклюже, неумело тыкала пальцем одной руки по клавишам, перед этим долго ища в распечатанном меню стоимость блюд.

Вернувшись в цех, Афанасий зашел в душевую, составил вместе две лавочки и откровенно проспал до конца рабочего дня. Полусобранная коробка передач так и осталась одиноко стоять на верстаке.

Вечером после работы он поехал к Зине, но знакомую дверь открыла не она, а незнакомый мужик с наглой рожей, в светло-серой толстовке, таких же шортах и резиновых сланцах.

– Ты кто? – спросил мужик.

– Я к Зине. – смутившись неожиданным поворотом, ответил Афанасий.

Мужик вышел на площадку, притворив за собой дверь.

– Слышь, ты че, глухой или дурак? Я тебя не спрашивал, к кому ты, я тебя спросил, кто ты.

Из квартиры послышался голос Зины:

– Коля, кто там? – затем показалась сама Зина. Увидев Афанасия, она обратилась к Коле:

– Слушай, походи посиди дома, это ко мне, я сама поговорю.

– Ну Зинуль... – развел руками Коля, изобразив на своем небритом лице подобие детской обиды.

– Давай, давай. – ответила Зина, заталкивая его в квартиру. В последний момент тот обернулся и, тыча пальцем, сказал:

– Смотри, мужик, я тебя запомнил!

Когда они остались одни, Зина спросила:

– Ну и зачем ты пришел?

– Как зачем? – удивился Афанасий. – У меня жена ушла, я теперь свободный и думал, что мы...

– Что «мы»? – Перебила его Зина. – Ну что ты думал?

– Что мы вместе, ну, понимаешь...

Зина откровенно ухмыльнулась на это. Достав сигареты, закурила.

– Знаешь, Афанасий, давай откровенно и без обид поговорим. Вот ты кем хотел в детстве стать, когда вырастешь?

– Машинистом тепловоза. – честно ответил Афанасий.

Зина рассмеялась и, сделав затяжку, ответила:

– Ты не Афанасий! Ты Афоня! Дурак ты. А знаешь, кем я хотела стать, когда вырасту? Кассиром в банке, потому что я тогда думала, что все деньги, какие в кассе, это все деньги кассира. Ну посмотри на себя. Кто ты? Слесарь-сборщик, без пяти минут безработный. Завтра уволят тебя и куда ты пойдешь? Моторный завод два года назад закрыли, станкостроительный, как и наш, под москвичами, людей пачками на улицу гонят. Жена тебя бросила, как же. Квартира-то у кого в собственности? То-то же! Сейчас натрахается на стороне и придет обратно за своим добром, а если не одна придет, а со своим кочегаром? Что делать-то будешь? Знаешь, Афанасий, сексом ты конечно занимаешься – будь здоров, просто улет. Но одним этим сыт не будешь. А как человек ты просто дурак, ноль без палочки. С твоим даром знаешь, каким богатым можно быть? Да самым богатым в мире можно быть. А ты что? Со своей дурацкой философией старушкам головную боль лечишь? Юродивым мозги вправляешь? У тебя даже машины нет! А мне кроме этого еще хочется на море ездить, и вообще я за границей ни разу не была. Нет, ты уж извини, но я, как ты говоришь, потребитель. Причем потребитель требовательный и разборчивый.

Докурив, она бросила окурочек вниз между перил и пошла в квартиру, но, остановившись на пороге, обернулась и с улыбкой сказала:

– Завтра он во вторую смену, ты заходи вечером, мне с тобой понравилось...

На улице пахло сыростью, было мерзко и промозгло. Утренняя чистота и белизна, обработанная реагентами, теперь снова забрасывала собою стекла и фары автомобилей, липла к обуви и одежде. На тротуарах повсеместно лежали кучки технической соли, небрежно брошенные ленивым дорожным рабочим, не потрудившимся разровнять их. Крупицы соли, как оспа, проели в утрамбованном пешеходами снеге дыры до самого асфальта. Зимний ветер, который должен был быть сухим и свежим, пропитывался сыростью испарений, перемешиваясь с выхлопными газами, душил, не давал вздохнуть полной грудью, задувал под короткую старую куртку, за воротник, в рукава, охлаждал тело. Деревья растеряли все свои наряды. Угрюмые прохожие торопились домой, толкались, машины брызгали с дороги грязной жижей. Авто-

буса долго не было, промокшие ноги мерзли, Афанасий, стоя на остановке, пытался двигать пальцами ног в ботинках, но это не помогало. Подошедший наконец автобус был забит битком, народ толкался локтями, наступал на ноги, ругался друг на друга. Кондукторша, с трудом проталкивая свое плотное тело сквозь человеческую массу, кричала истошным голосом:

– Задняя площадка! Оплачиваем проезд! Передаем на проезд, кто вошел! Да пройдите вы в середину салона, середина свободная, что вы столпились все у дверей!

Но никто не двинулся с места, и никто так и не передал за проезд, и тогда кондукторша, работая локтями, снова стала продираться с воплем:

– Дайте пройти, ради Бога, а то сейчас по головам пойду!

В полуподвальном магазинчике, недалеко от дома, Афанасий купил бутылку дешевой водки и какую-то закуску. На лавочке у подъезда посидел с пол часа, наполовину освободив стеклянную тару. Поднимаясь по лестнице, встретил соседку Катерину Ивановну. Та, обрадовавшись, затараторила, пригибаясь на каждом предложении, как бы кланяясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.